O 53/1314

2020075396

О 52/1314
Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА
О-28631-41

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПРАВУ,

ЧИТАННАЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 28-ГО ОКТЯБРЯ 1861 ГОДА ПРОФЕССОРОМЪ Б. Н. ЧИЧЕРИНЫМЪ.

Гг.

Въ настоящее время преподаваніе государственнаго права въ нашихъ Университетахъ важнѣе, нежели когда либо. Мы живемъ въ эпоху великихъ преобразованій въ русскомъ государствѣ. На нашихъ глазахъ совершается одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ народной жизни, которые составляютъ эпоху въ исторіи. Я разумѣю освобожденіе крестьянъ. 22 милліона русскихъ людей получаютъ гражданскія права, измѣняется весь составъ общества, положеніе сословій, состояніе собственности, экономическій бытъ, нравы, обычаи, даже частная жизнь. Сколько нужно знаній, обдуманности, твердости, чтобы какъ слѣдуетъ обсудить и привести въ дѣйствіе подобное законоположеніе! Изъ этой одной мѣры вытекаетъ множество другихъ. Новый гражданскій порядокъ требуетъ цѣлой новой администраціи. Свобода рождаетъ множество отношеній и столкновеній, для разрѣшенія которыхъ необходимы особенные органы. Тамъ, гдѣ прежде достаточно было одного помѣщика, теперь нужна полиція, нуженъ судъ. Положеніемъ о крестьянахъ учреждена небывалая еще у насъ должность—мировые посредники, которые получили весьма важное значеніе въ администраціи. Съ этимъ въ связи находится предполагаемое преобразованіе уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, которые должны быть приведены въ согласіе съ измѣнившимся положеніемъ сословій. Начало реформы положено введеніемъ судебныхъ слѣдователей. Но и самый судъ настоятельно требуетъ преобразованія. Новый порядокъ вещей, уничтожая частный произволъ, имѣетъ въ виду водвореніе въ обществѣ началъ права и законности. Для этого необходимъ просвѣщенный и безпристрастный судъ, охраняющій права, воплощающій въ

себѣ идею правды. А между тѣмъ у насъ нѣтъ еще самыхъ существенныхъ условій правильнаго суда. У насъ нѣтъ магистратуры, нѣтъ адвокатовъ, нѣтъ юриспруденціи. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ настоящее время все наше судебное устройство подвергается обсужденію и что къ этому призываются люди, которые своими знаніями и опытностью могутъ содѣйствовать этому великому предпріятію. Наконецъ все наше финансовое управленіе получаетъ новую организацію. Одинъ уже выкупъ поземельной собственности для 20 милліоновъ крестьянъ требуетъ огромныхъ средствъ и составляетъ сложную операцію, неизвѣстную доселѣ въ исторіи нашихъ финансовъ. Недавно еще вы могли прочесть указъ, которымъ отмѣняются винные откупа, самая значительная отрасль государственныхъ доходовъ, и вводится акцизъ, менѣе обременительный для народнаго кармана. Нужно ли указывать на новую систему кредитныхъ учрежденій, на предпринятую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая должна охватить всю Россію и вызвать въ ней неразработанные еще источники богатства?

Вы видите, гг., что дѣла у насъ много, что законодательной дѣятельности государства предстоитъ обширное поприще. Глядя спокойно и безпристрастно на то, что происходитъ вокругъ насъ, мы по совѣсти должны сказать, что мы сѣтовать не въ правѣ. Преобразованія совершаются, преобразованія самыя существенныя для народнаго блага, и всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сознаться, что, вообще говоря, они совершаются обдуманно, съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ государства. Освобожденіе крестьянъ не только великая мысль, но, какъ исполненіе, оно дѣлаетъ честь Россіи. Совершить такое дѣло, особенно въ трудныя времена, при недостаткѣ средствъ, мудренѣе, нежели произвести всевозможные политическіе перевороты. Это преобразованіе даетъ намъ почетное мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ. Его одного достаточно для поглощенія силъ цѣлаго поколѣнія. Поэтому въ настоящее время, въ виду совершающихся перемѣнъ, которыя охватываютъ жизнь до самаго корня, одно непростительное легкомысліе можетъ ограничиваться критикой частныхъ стѣснительныхъ мѣръ, или вѣковыхъ злоупотребленій, которыхъ искорененіе требуетъ долговременной работы народа надъ самимъ собою. Мы будемъ остерегаться по-

добнаго способа сужденія. Близорукая пошлость въ великихъ событіяхъ, въ знаменательныхъ эпохахъ, видитъ одну мелочную сторону, однѣ дрязги, потому что другаго она не въ состояніи понять. Истинный патріотизмъ возвышается надъ этими мелкими побужденіями и обращаетъ свои взоры на то, что составляетъ существенную пользу отечества. Въ наше время русскій патріотъ съ довѣріемъ можетъ глядѣть на будущее, потому что настоящее представляетъ ему прочные залоги совершенствованія. Мы не стоимъ на мѣстѣ, мы идемъ впередъ, и идемъ быстрыми шагами, какъ можетъ засвидѣтельствовать всякій кому, извѣстно, какъ трудно и медленно совершаются вообще государственныя преобразованія.

Но государственной дѣятельности мало. Истинно плодотворное развитіе требуетъ содѣйствія всѣхъ гражданъ. Была пора, когда правительство одно дѣлало и направляло все. Этимъ достигалась извѣстная степень государственнаго могущества, общественнаго порядка и благосостоянія; но далѣе извѣстныхъ предѣловъ это идти не можетъ. Для большаго могущества, для высшаго развитія и благосостоянія нужны новыя силы, нужна энергія цѣлаго народа. Въ наше время европейскія державы достигли той степени развитія, когда безъ самостоятельной дѣятельности общества обойтись невозможно, когда всякое государство, которое хочетъ сохранить свое мѣсто въ ряду другихъ, обязано призвать на свою помощь общественныя силы. Черезъ это правительственная задача становится гораздо мудренѣе, нежели прежде. Тутъ необходимы новые политическіе взгляды, новыя способности, которымъ не было мѣста въ прежнемъ порядкѣ. Направлять общество, возбуждая въ немъ самостоятельную дѣятельность, гораздо труднѣе, нежели дѣйствовать одному. Но въ настоящее время безъ этого обойтись невозможно.

У насъ въ Россіи эта общественная самостоятельность едва начинается. Мы привыкли всего требовать, всего ожидать отъ правительства, пренебрегая частною дѣятельностью, болѣе тѣсною, но часто болѣе плодотворною, нежели государственное поприще. Однако сознаніе этой самостоятельности въ насъ пробудилось. Это фактъ, который нельзя уничтожить. Общественное мнѣніе начинаетъ предъявлять у насъ свои, правда, еще весьма незрѣлыя, требованія. Съ этимъ вмѣстѣ отвѣтственность

каждаго гражданина становится тяжелѣе, ибо общественное мнѣніе тогда только можетъ быть полезнымъ элементомъ государственной жизни, когда оно въ себѣ самомъ носитъ начала общественнаго благоустройства и сознаетъ потребности государственнаго порядка, когда оно знаетъ, чего слѣдуетъ желать и чего можно достигнуть. Разумное общественное мнѣніе—первое условіе свободнаго и плодотворнаго развитія; общественное мнѣніе шаткое, страстное, безразсудное вызываетъ только реакцію и бросаетъ тѣнь подозрѣнія на свободу. Между тѣмъ у насъ слышится только нестройный говоръ едва пробудившейся мысли. Стоитъ прислушаться къ хаосу разнорѣчащихъ возгласовъ, которые раздаются кругомъ насъ, стоитъ вникнуть въ эту полную анархію умовъ, шатающихся изъ стороны въ сторону и хватающихся за самыя крайнія мнѣнія, въ надеждѣ найти въ нихъ какую нибудь точку опоры. Весь этотъ буйный разгулъ мысли, все это умственное и литературное казачество составляютъ, къ несчастію, проявленіе одной изъ историческихъ стихій русской жизни. Но ей всегда противодѣйствовали разумныя общественныя силы, которыя поставляли себѣ задачею развитіе гражданственности и порядка. Если въ настоящее время мы выросли изъ пеленокъ, если самыя обстоятельства жизни заставляютъ насъ стать на собственныя ноги, то намъ необходимо выдти изъ этого состоянія. А выдти изъ него можно только упорною работою мысли, воздержаніемъ кипучихъ своихъ стремленій и разумнымъ взглядомъ на окружающій насъ міръ. Тогда только образуется у насъ общественное мнѣніе, которое станетъ дѣйствительною силой и могущественнымъ дѣятелемъ просвѣщенія. Тогда оно само выставитъ изъ среди себя людей, которые въ состояніи будутъ руководить имъ въ виду государственной пользы и сдѣлаются для него знаменемъ и авторитетомъ.

Вы видите, гг., что вездѣ, куда бы мы ни обратились, наверху и внизу, въ центрѣ и на мѣстахъ, прежде всего нужны люди. А между тѣмъ, даже и въ обществѣ, въ сословныхъ выборахъ, въ судахъ, въ наукѣ, въ литературѣ, въ нашемъ тѣсномъ университетскомъ кружкѣ, вездѣ камнемъ преткновенія является бѣдность въ людяхъ, недостатокъ подготовленія. Мы вообще слишкомъ еще склонны за все хвататься на обумъ, вкривь

и вкось толковать обо всемъ, не прошедши черезъ ту медленную работу мысли, которая одна можетъ дать прочное основаніе для дѣятельности и для сужденій. При этомъ наши взоры невольно обращаются на университеты, на разсадники нашего образованія. Государственные люди и общественные дѣятели вырабатываются не канцелярскою рутиной, не чтеніемъ газетныхъ статеекъ и не шумными рѣчами на площади, а серьознымъ и усидчивымъ трудомъ. Мы надѣемся, что не смотря на временное увлеченіе, наши университеты не отклонятся отъ существенной своей задачи — готовить полезныхъ дѣятелей для русской земли. Различныя общественныя поприща ожидаютъ васъ впереди; но куда бы вы ни были призваны, вездѣ основной закваской будутъ для васъ тѣ знанія, которыя вы вынесете отсюда, та работа, которой вы посвятите себя здѣсь.

Не думайте, чтобы предстоящій вамъ трудъ былъ маловаженъ. Государственные вопросы разрѣшаются не легко. Тутъ недостаточно однихъ добрыхъ намѣреній и благородныхъ побужденій. Менѣе всего достаточенъ тотъ дешевый либерализмъ, который, являясь нынѣ на всѣхъ перекресткахъ и пренебрегая наукою и трудомъ, питается журнальными крохами. Тутъ нужно изученіе систематическое и серьозное. Государство—организмъ многосложный, который заключаетъ въ себѣ безчисленное разнообразіе отношеній. Въ науку о государствѣ входятъ и философія, и исторія, и юриспруденція, и бытовыя условія, и экономическіе вопросы. Все это надобно изучить, чтобы составить себѣ полное понятіе о предметѣ. Можно почти сказать, что все это надобно знать, чтобы разумно обсудить всякій практическій вопросъ; ибо въ каждомъ явленіи жизни отражается вся ея полнота, каждое изъ нихъ находится въ зависимости отъ всѣхъ стихій, входящихъ въ составъ цѣлаго организма.

Курсъ нашъ, гг., будетъ раздѣляться на общее государственное право и на изложеніе русскихъ государственныхъ законовъ. Первое полугодіе я буду посвящать исключительно первому. Такимъ образомъ лучше сохранится нить преподаванія, и вы сами лучше будете приготовлены къ изученію нашихъ отечественныхъ законовъ. Преподаваніе положительнаго права безъ предшествующей теоріи можетъ дать только знаніе рутинное, годное единственно для ограниченной практики, а

не ясное пониманіе вещей, котораго мы желаемъ достигнуть въ университетѣ. Мало того: какъ скоро мысль возбуждена, такое преподаваніе можетъ повести къ однимъ сомнѣніямъ. Я, на примѣръ, стану излагать вамъ устройство нашихъ административныхъ мѣстъ. А вы спросите: но за чѣмъ нужны чиновники? будто нельзя безъ нихъ обойтись? И укажите на извѣстныя всѣмъ намъ злоупотребленія. Я стану объяснять вамъ, что чиновники необходимы въ государственномъ управленіи; а вы спросите: но зачѣмъ же нужно государство? Это только стѣсненіе свободы. И такимъ образомъ отъ вопроса къ вопросу и отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, вы дойдете до отрицанія всѣхъ существенныхъ основаній общества. Эти сомнѣнія могутъ разрѣшиться только изученіемъ общей науки о государствѣ, которая не идетъ въ разрѣзъ съ положительными законами, съ дѣйствительною жизнью, а способствуетъ ихъ уразумѣнію.

Теорія государства или общее государственное право, какъ называютъ его Нѣмцы, наука, возникшая въ недавнее время. Внѣ Германіи она едва извѣстна, и можно сказать, что до сихъ поръ она еще не получила должной обработки. Прежде она сливалась съ такъ называемымъ естественнымъ правомъ, или съ философіей права, и тогда она носила совершенно иной характеръ. Философія права по существу своему имѣетъ направленіе умозрительное. Оставляя въ сторонѣ разнообразныя условія жизни, она часто становится въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Особенно при одностороннемъ развитіи началъ, она нерѣдко являлась то невозможною утопіей, то революціонною пропагандой, то панегирикомъ извѣстному образу правленія. Наука во всей ея полнотѣ, не ограничивается умозрѣніемъ и избѣгаетъ односторонихъ взглядовъ. Задача ея — изучить и объяснить всѣ элементы государственной жизни, всѣ ея явленія, въ безконечномъ ихъ разнообразіи. Нѣтъ политическаго устройства, нѣтъ сколько нибудь прочнаго порядка вещей, который бы не имѣлъ глубокихъ корней въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни, который бы не вытекалъ изъ исторіи народа, изъ внутренняго, часто темнаго, сознанія о существенныхъ его потребностяхъ. Наука должна все это объяснить, а не ограничиваться легкомысленнымъ отрицані-

емъ положительныхъ данныхъ, приписывая ихъ невѣжеству, предразсудкамъ и т. п. Такъ поступали ученые 18-го вѣка. Въ наше время этотъ способъ сужденія принадлежитъ къ весьма отсталымъ. Въ наше время успѣхи науки привели насъ къ болѣе зрѣлому пониманію вещей, къ сознанію, что положительные факты вытекаютъ изъ весьма положительныхъ причинъ.

Такимъ образомъ общее государственное право должно одинаково обнимать всѣ формы государственнаго устройства, всѣ образы правленія, объясняя ихъ значеніе, ихъ выгоды, ихъ недостатки и необходимую связь ихъ съ тѣми жизненными условіями, среди которыхъ они существуютъ. Одно это воззрѣніе можемъ мы назвать вполнѣ наукообразнымъ, потому что оно обнимаетъ всю полноту явленій.

Теоріи государства я предпошлю исторію развитія политическихъ идей. Это введеніе необходимое. Безъ него нѣтъ полноты, а потому нѣтъ и убѣжденія. Я стану излагать вамъ теорію государства, но можете ли вы быть увѣрены, что это единственное правильное ученіе? Вы встрѣтите въ литературѣ множество другихъ теорій, часто болѣе заманчивыхъ для молодаго ума. Почему же не дать предпочтеніе послѣднимъ? И вотъ опять возникаютъ сомнѣнія и вопросы. Разъяснить ихъ можетъ одна исторія науки, которая даетъ намъ всю полноту развитія идей, все разнообразіе ученій, возникавшихъ одно за другимъ. Здѣсь только можетъ объясниться мѣсто и значеніе каждаго. Здѣсь вы увидите причины происхожденія той или другой политической теоріи и необходимость перехода ея къ системѣ, болѣе полной и широкой. Односторонность и несбыточность теоріи раскроются здѣсь сами собою. Всѣ элементы сужденія будутъ у васъ на глазахъ. Передъ вами пройдетъ весь рядъ мыслителей отъ Платона и Аристотеля до Макіавелли, Гроція, Гоббеса, Монтескье, Руссо, Канта, Фихте, Гегеля и т. д. Мнѣ останется только слѣдить за этимъ ходомъ и указывать на судъ, произносимый самою исторіею.

Но этого мало. Историческое развитіе политическихъ идей есть самое философское развитіе элементовъ государственной жизни. Нѣтъ политической теоріи, какъ бы она ни была односторонняя, нѣтъ сколько нибудь значительной системы, которая бы не опиралась на который

нибудь изъ этихъ элементовъ. Недостатокъ той или другой теоріи обыкновенно состоитъ именно въ развитіи одного элемента въ ущербъ другимъ. Но такъ какъ въ цѣльномъ организмѣ государства всѣ эти элементы естественно вяжутся между собою внутреннимъ закономъ своей природы, то односторонняя теорія, вслѣдствіе этой связи, сама прямо указываетъ на необходимость дополненія, т. е., на дальнѣйшую, высшую теорію. Такимъ образомъ естественная связь различныхъ элементовъ государства отражается въ естественной послѣдовательности слѣдующихъ другъ за другомъ ученій. Присущій вещамъ законъ необходимости есть самый логическій законъ человѣческаго разума. Поэтому, изучая исторію идей, мы на фактѣ, въ положительныхъ явленіяхъ жизни, изучаемъ самую полную и всестороннюю философію государства.

Результатъ этого философскаго развитія идей есть понятіе о государствѣ, какъ о живомъ организмѣ народнаго единства. Это не внѣшняя форма, наложенная на общество, не механическое соединеніе лицъ. Нѣтъ, государство—живое единство народа; граждане—живые члены единаго цѣлаго, единаго духовнаго и свободнаго организма, который связываетъ между собою не только существующихъ въ данное время людей, но и давнопрошедшія поколѣнія съ настоящими и будущими. Какъ тѣлесный организмъ живетъ, растетъ и измѣняется въ продолженіе всей человѣческой жизни, и сохраняетъ свое единство, не смотря на постоянную смѣну тѣхъ матеріальныхъ частицъ, изъ которыхъ онъ составляется, такъ и народный организмъ сохраняетъ свое единство, не смотря на смѣну поколѣній, на измѣненіе потребностей, вѣрованій, устройства. Современное государство, не только нравственно, но и юридически связано со всѣми предшествующими его формами. Связь эта образуется сохраняющеюся въ немъ непрерывностью сознанія и воли. Потому мы народъ иначе и не представляемъ себѣ, какъ единымъ лицемъ, т. е., субъектомъ, имѣющимъ разумную волю, а потому и права. Такимъ онъ является въ международныхъ сношеніяхъ, въ исторіи, въ судьбахъ міра, и это лице есть государство. Потому, когда исторію народа противополагаютъ исторіи государства, какъ будто государство есть что-то внѣшнее и чуждое народу, мы можемъ видѣть въ этомъ только смѣшеніе

понятій. Государство есть самъ народъ, какъ единое цѣлое, какъ живой организмъ, какъ нравственное лице, какъ историческій дѣятель. Каково отношеніе этого цѣльнаго организма къ разнообразнымъ, проявляющимся въ народѣ стремленіямъ, къ частнымъ союзамъ, къ самостоятельной дѣятельности лицъ, — это другой вопросъ, о которомъ мы будемъ говорить въ свое время, и который составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ государственной науки.

Изъ этого, господа, вы поймете различіе между народами государственными и народами негосударственными. Государственный народъ тотъ, который способенъ установить надъ собою высшій порядокъ, разумно и единодушно подчиниться верховной власти. Государственные народы одни имѣютъ высшее сознаніе и силу, одни призваны играть роль въ исторіи. Государственные народы—вѣнецъ человѣчества. Оттого, гг., мы, Русскіе, не остались на степени Болгаръ, или Хорватъ. Государственный смыслъ русскаго народа раскинулъ Россію на то необъятное пространство, которое составляетъ для насъ отечество и далъ ему возможность играть историческую роль, которою можетъ гордиться русскій человѣкъ. Поэтому у насъ тотъ только можетъ сознательно кидать камень въ государство, въ комъ исчезло пламя любви къ отечеству. Я не говорю объ огромномъ большинствѣ тѣхъ, которые толкуютъ, не зная о чемъ. Съ этихъ и взыскивать нечего.

Выработанное философіей понятіе о государствѣ принимается юриспруденціей, и здѣсь мы приходимъ къ первой части нашего теоретическаго курса — къ собственно такъ называемому государственному праву, которое излагаетъ юридическое существо государства и весь проистекающій изъ него юридическій его организмъ. Юридическое существо государства не что иное, какъ самое выработанное философіею понятіе о государствѣ. Юриспруденція потому именно можетъ принять это понятіе, что она сама къ нему приходитъ, своимъ собственнымъ путемъ, путемъ жизненнаго опыта, возведеніемъ явленій политической жизни къ юридическимъ формуламъ. Это совпаденіе философской теоріи съ юридическою служитъ лучшимъ доказательствомъ правильности понятія. Юриспруденція беретъ это понятіе и выводитъ изъ него логическія послѣдствія, развиваетъ

Библиотека

входящія въ составъ его стихіи и опредѣляетъ взаимныя ихъ отношенія. Юриспруденція есть логика правъ и обязанностей. Коренное ея начало—правда; выраженіе ея—законъ, имѣющій обязательную силу для всѣхъ.

Законъ связываетъ во единое тѣло разрозненныя лица, подчиняя ихъ единой государственной власти. Повиновеніе закону—вотъ первое требованіе правды, первый признакъ гражданственности, первое условіе свободы. Свобода анархическая — преддверіе деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна можетъ установить прочный порядокъ. Не думайте притомъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось одними хорошими законами. Если бъ всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошими, то было бы полное господство анархіи. Во всѣхъ странахъ міра есть законы и хорошіе и дурные; но обязанность повиновенія распространяется на всѣ. Это—требованіе общее. Для юриста повиновеніе закону такая же основная аксіома права, какъ $2 \times 2 = 4$ для математика. Кто не врѣзалъ себѣ этого глубоко въ сердце, тотъ не можетъ сдѣлать ни единаго шага въ правовѣдѣніи.

Въ изложеніи теоріи государственнаго права, мы начнемъ съ ученія о составѣ государства, объ элементахъ, въ него входящихъ, каковы народъ, территорія и наконецъ, какъ существенный признакъ государственнаго союза, отличающій его отъ всякаго другаго,—верховная власть. Затѣмъ мы перейдемъ къ государственному устройству, покажемъ существо, значеніе и свойства правительства, различные образы правленія, права гражданъ. Наконецъ, мы заключимъ теоріей государственнаго управленія; мы разберемъ составные его элементы и постараемся объяснить всю ту сложную систему учрежденій, которая служитъ для исполненія государственныхъ цѣлей.

Проходя эту первую часть науки о государствѣ, мы встрѣтимся съ важнѣйшими современными вопросами. Но правовѣдѣніе можетъ только подготовить юридическое основаніе для ихъ рѣшенія. Само оно не въ состояніи разрѣшить ихъ вполнѣ, потому что кромѣ юридическаго элемента, каждый изъ этихъ вопросовъ находится въ зависимости отъ множества другихъ условій, которыя имѣютъ вліяніе на государство, и которыя поэтому надобно принять въ соображеніе. Это приводитъ насъ ко второй части нашей науки—къ ученію о жизненныхъ условіяхъ государства.

Въ самомъ дѣлѣ, юридическая сторона государственной науки далеко не исчерпываетъ предмета. Если бы государство строилось по чисто-юридической теоріи, оно всегда и вездѣ было бы одинаково, или по крайней мѣрѣ оно ограничивалось бы весьма немногими видоизмѣненіями, вытекающими изъ самаго его существа. Но государство живетъ среди разнообразнѣйшихъ жизненныхъ условій, которыя налагаютъ на него свою печать и производятъ тѣ безчисленныя политическія формы, которыя являются намъ въ исторіи и въ современномъ мірѣ. Эти жизненныя условія суть свойства тѣхъ самыхъ первоначальныхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ государства, именно области и народа. Въ государственномъ правѣ мы разсматривали ихъ со стороны юридической. Здѣсь мы должны будемъ изучить ихъ съ дѣйствительной, жизненной ихъ стороны и показать ихъ вліяніе на государство.

Прежде всего мы встрѣтимъ здѣсь физическія свойства страны, характеръ почвы, климатъ и т. п. Все это имѣетъ вліяніе не только на образованіе, но и на самое устройство государства. Давно уже, на примѣръ, было замѣчено, что обширныя области благопріятствуютъ развитію абсолютизма, а мелкія напротивъ, представляютъ лучшія условія для народнаго правленія. Но этого мало: естественныя условія, составляя одинъ изъ существенныхъ элементовъ исторической жизни народа, налагаютъ свою печать на постоянныя свойства его духа, которыхъ не изгладитъ никакое развитіе. Объясню это примѣромъ.

Представьте себѣ, съ одной стороны, обширную черноземную равнину, покрытую лѣсомъ, съ другой страну, представляющую разнообразную поверхность, изобилующую скалами, ущельями, долинами. По обѣимъ скитаются дружины съ своими вождями. Естественно, что въ послѣдней странѣ каждый дружинный начальникъ усядется на неприступную скалу, гдѣ онъ построитъ себѣ каменный замокъ, откуда онъ будетъ владычествовать надъ окрестностью, куда не достанетъ до него чужая рука. На черноземной равнинѣ это невозможно. Деревянные остроги и земляные валы, которые построютъ себѣ дружинники, будутъ служить имъ весьма ненадежнымъ укрывательствомъ отъ враговъ. Для защиты ихъ понадобится гораздо больше силъ, нежели какими мо-

жетъ располагать мелкій вождь. Послѣдствія того и другаго порядка очевидны. Въ гористой странѣ образуется несмѣтное множество отдѣльныхъ центровъ жизни и дѣятельности, которые представятъ упорное сопротивленіе соединяющему началу. Отсюда борьба со всѣми ея послѣдствіями, отсюда проистекающія изъ исторіи свойства народнаго характера, которыя отражаются и въ государствѣ—личная энергія, сознаніе права, чувство чести, умѣніе группироваться около отдѣльныхъ центровъ. На черноземной равнинѣ произойдутъ совершенно другія явленія. Здѣсь личность, не находя прочныхъ частныхъ центровъ, къ которымъ она можетъ примкнуть, будетъ укрываться въ одиночествѣ и легко подчинится всепоглощающей силѣ единства. Здѣсь разовьются мягкія свойства народа и образуется громадное тѣло, которое будетъ имѣть значеніе не силою частей, а крѣпкимъ единствомъ своей массы.

Я не хочу, однако, сказать, что естественныя свойства области всегда и вездѣ имѣютъ одинакія послѣдствія, непреложныя, какъ физическій законъ. Народная жизнь и исторія слагаются изъ множества элементовъ, въ числѣ которыхъ находятся и физическія условія страны. Послѣднія составляютъ только одну изъ дѣйствующихъ причинъ, которая можетъ въ значительной степени видоизмѣниться остальными, именно элементами, собственно человѣческими, общественными, которые имѣютъ несравненно большее вліяніе, нежели первые, на государственный бытъ. Сюда относятся племенное начало, народность, составъ общества, степень его развитія, экономическій бытъ, господствующія вѣрованія, предразсудки, нравы, обычаи. Все это вмѣстѣ составляетъ ученіе объ обществѣ.

По видимому, нѣтъ ничего проще и яснѣе, какъ это вліяніе общественнаго быта на государство. Между тѣмъ, только въ настоящее время начинаютъ приходить къ сознанію, что государство не строится на одномъ умозрѣніи, что существуютъ самобытныя силы, часто независимыя отъ человѣческой воли, которыя противодѣйствуютъ всякой несвоевременной перемѣнѣ и неизбѣжно возвращаютъ государство на прежнюю колею, если оно было выброшено изъ нея переворотомъ, основаннымъ на однихъ теоретическихъ требованіяхъ. До сихъ поръ еще, гг., большая часть либеральныхъ людей убѣж-

дены, что достаточно захотѣть свободы, чтобы ея достигнуть. Ученіе объ обществѣ должно разсѣять эти мечты. Оно показываетъ, что и свобода имѣетъ свои жизненныя условія, независимыя отъ воли, коренящіяся въ народномъ духѣ, въ общественномъ быту, въ естественномъ составѣ государства, въ состояніи сословій и партій, иногда даже въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Безъ этихъ условій всякая попытка водворить свободу ведетъ только къ сильнѣйшему деспотизму.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ, однако, и преувеличивать это вліяніе общественнаго быта на политическое устройство. Государство не остается страдательною формой, которую общество образуетъ по своему. Государство—плодъ человѣческаго сознанія, произведеніе разумной природы человѣка, а потому оно сознательно воздѣйствуетъ на тѣ условія, среди которыхъ оно существуетъ, стараясь подчинить ихъ высшей, разумной своей цѣли. Оно находитъ тѣсную область и стремится къ ея расширенію; оно находитъ общество раздробленное и старается его соединить. Эта новая, третья сторона государственной жизни есть *политика*. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ правомъ, а съ пользою. Это не чистое проявленіе государственныхъ началъ, а приспособленіе ихъ къ разнообразнымъ условіямъ жизни — задача трудная, въ которой проявляется практическая мудрость государственныхъ людей. По видимому, наукѣ тутъ нечего и дѣлать. Политика является болѣе искуствомъ, нежели наукою. Государственный человѣкъ долженъ естественнымъ тактомъ, высшимъ чутьемъ распознавать, что именно нужно сдѣлать въ данное время, при извѣстныхъ условіяхъ. Сюда входитъ множество данныхъ, почти неуловимыхъ, за которыми наука услѣдить не можетъ. Что же остается тутъ для теоріи? Не собьетъ ли она скорѣе съ толку практическаго человѣка, нежели дастъ ему надежное руководство для дѣятельности?

Точно, отношеніе политическихъ теорій къ практикѣ часто представляется въ этомъ видѣ, и, можно сказать, не безъ основанія. Нѣтъ ничего гибельнѣе для практики, какъ теорія односторонняя или недостаточная, какова бы она ни была, — охранительная, либеральная, демократическая. Государственный бытъ представляетъ соединеніе всѣхъ жизненныхъ элементовъ,

въ той формѣ, которая вытекаетъ изъ естественныхъ условій данной среды. Сочетаніе это происходитъ по большей части безсознательно, само собою, силою вещей. Односторонняя теорія разрушаетъ это практически-образовавшееся согласіе. Упуская изъ вида нѣкоторыя изъ существенныхъ условій и элементовъ жизни, она вступаетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и является чѣмъ-то для нея чуждымъ и враждебнымъ. Вотъ почему, гг., мы такъ часто видимъ, что въ мірѣ владычествуетъ рутина, тогда какъ благородныя стремленія остаются безсильными и безплодными. Рутина живетъ среди самой жизни. Не сознавая ее разумнымъ путемъ, она принимаетъ всѣ ея элементы, какъ они есть, какъ они сложились на практикѣ. А потому она ближе къ дѣйствительности, нежели благородныя стремленія, которыя направляются одностороннею теоріей. Потому послѣднія противъ рутины безсильны. Рутина можетъ быть побѣждена только теоріей всестороннею, которая принимаетъ въ расчетъ всѣ жизненныя условія и черпаетъ свои уроки изъ самаго опыта. Такова должна быть наука политики. Изучая возможно полнымъ образомъ явленія жизни и исторіи, она должна показать, какими средствами и при какихъ условіяхъ государства образуются и живутъ, чѣмъ опредѣляется различіе образовъ правленія и совершающіяся въ государствахъ перемѣны, въ чемъ состоятъ выгоды или невыгоды тѣхъ или другихъ политическихъ формъ, что онѣ могутъ дать и чего нельзя отъ нихъ требовать, наконецъ какими средствами можетъ пользоваться государство для достиженія своихъ цѣлей. Теорія политики, основанная на всестороннемъ изученіи философіи, права и исторіи народовъ, составляетъ лучшее руководство для практики. Это вѣнецъ науки о государствѣ. Къ несчастью, этотъ вѣнецъ далеко еще не достигъ желаннаго совершенства. Это часть общаго государственнаго права, которая наименѣе разработана.

Таковъ, гг., общій очеркъ науки, о которой мнѣ придется бесѣдовать съ вами на первое полугодіе. Я бы желалъ сказать вамъ, что я надѣюсь не безъ пользы руководить васъ на этомъ поприщѣ. На первыхъ порахъ своего преподаванія могу только обѣщать вамъ усердно трудиться вмѣстѣ съ вами, чтобы достигнуть желанной обработки слишкомъ обширнаго предмета. Для этого нужно одно — работать, какъ слѣдуетъ лю-

дямъ, преданнымъ наукѣ — спокойно, безпристрастно, либерально. Когда я въ дѣлѣ науки говорю о либерализмѣ, я разумѣю не юридическую свободу, а свободу мысли, я разумѣю то просвѣщенное состояніе духа, въ которомъ человѣкъ внимательно выслушиваетъ каждое серьезное мнѣніе и старается извлечь изъ него для себя пользу. Тотъ, кто во имя либерализма хочетъ подавлять чужія убѣжденія, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ. Это худшее изъ всѣхъ легкомыслій. Его, я надѣюсь, мы не встрѣтимъ ни на каѳедрѣ, ни на университетскихъ скамьяхъ. Въ стѣны этого зданія, посвященнаго наукѣ, не долженъ проникать шумъ страстей, волнующихъ внѣшнее общество. Здѣсь мы должны, углубляясь въ себя, въ тишинѣ готовиться на жизненное дѣло, или на полезное поученіе. Для васъ время дѣятельности, борьбы, страстнаго участія въ общественныхъ вопросахъ, придетъ своимъ чередомъ. На долгой, предстоящей вамъ жизненной дорогѣ, вы успѣете утомиться житейскими заботами, и тогда вы съ сожалѣніемъ вспомните о той порѣ, когда вамъ дана была возможность съ несокрушенными силами, съ непоблекшими надеждами посвящать себя спокойному и безкорыстному труду. Призванный къ жизни и дѣятельности, человѣкъ долженъ дорожить тѣми рѣдкими минутами, когда онъ можетъ собираться внутри себя и устремлять свои взоры на близкій душѣ его идеалъ. Идеалъ этотъ для насъ наука, во имя которой мы собраны здѣсь. Она выводитъ человѣка изъ области житейскихъ стремленій и страстей и ведя его за руку, даетъ ему силу возвыситься къ тому широкому и свободному созерцанію жизни, которое составляетъ лучшій залогъ основательной мысли и полезной дѣятельности.

И здѣсь, какъ примѣръ и поученіе, возникаютъ передъ нами образы нашихъ предшественниковъ въ Московскомъ Университетѣ, людей, посвящавшихъ свою жизнь святому дѣлу образованія. Объ одномъ я не могу не вспомнить въ настоящую минуту съ сокрушеніемъ сердечнымъ. Я имѣлъ счастіе слушать его, знать и любить. Я говорю о Грановскомъ. И въ васъ, гг., живо преданіе о немъ, хотя вамъ не дано было слышать его изящную и благородную рѣчь, испытывать его могущественное дѣйствіе на юные умы, которые влеклись къ нему съ страстною любовью.

Это даръ, который дается немногимъ. Тайна этой силы заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести юношескимъ страстямъ, или даже и заблужденіямъ, не въ громкомъ провозглашеніи новыхъ идей, плѣнительныхъ для молодаго воображенія, а въ самомъ благородствѣ природы человѣка, въ его пламенной любви къ истинѣ и добру, въ томъ возвышенномъ настроеніи духа, которое побуждало его съ вершины науки, съ высоты человѣческихъ идей, сочувствовать всему человѣческому, и мягко и любовно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, въ которыхъ выражалось искреннее чувство, или благородная мысль. Онъ былъ олицетворенная поэзія, воплощеніе всѣхъ лучшихъ стремленій человѣка. Онъ былъ и остается красою Университета, и мы, его преемники, можемъ обращаться къ его памяти для поддержки и возбужденія на предстоящемъ намъ пути. И кажется мнѣ, что дорогая тѣнь блуждаетъ еще по этимъ аудиторіямъ; мнѣ кажется, что она невидимо присутствуетъ между нами, благословляя и поучающихъ и слушателей на общее служеніе отечеству въ дѣлѣ образованія.

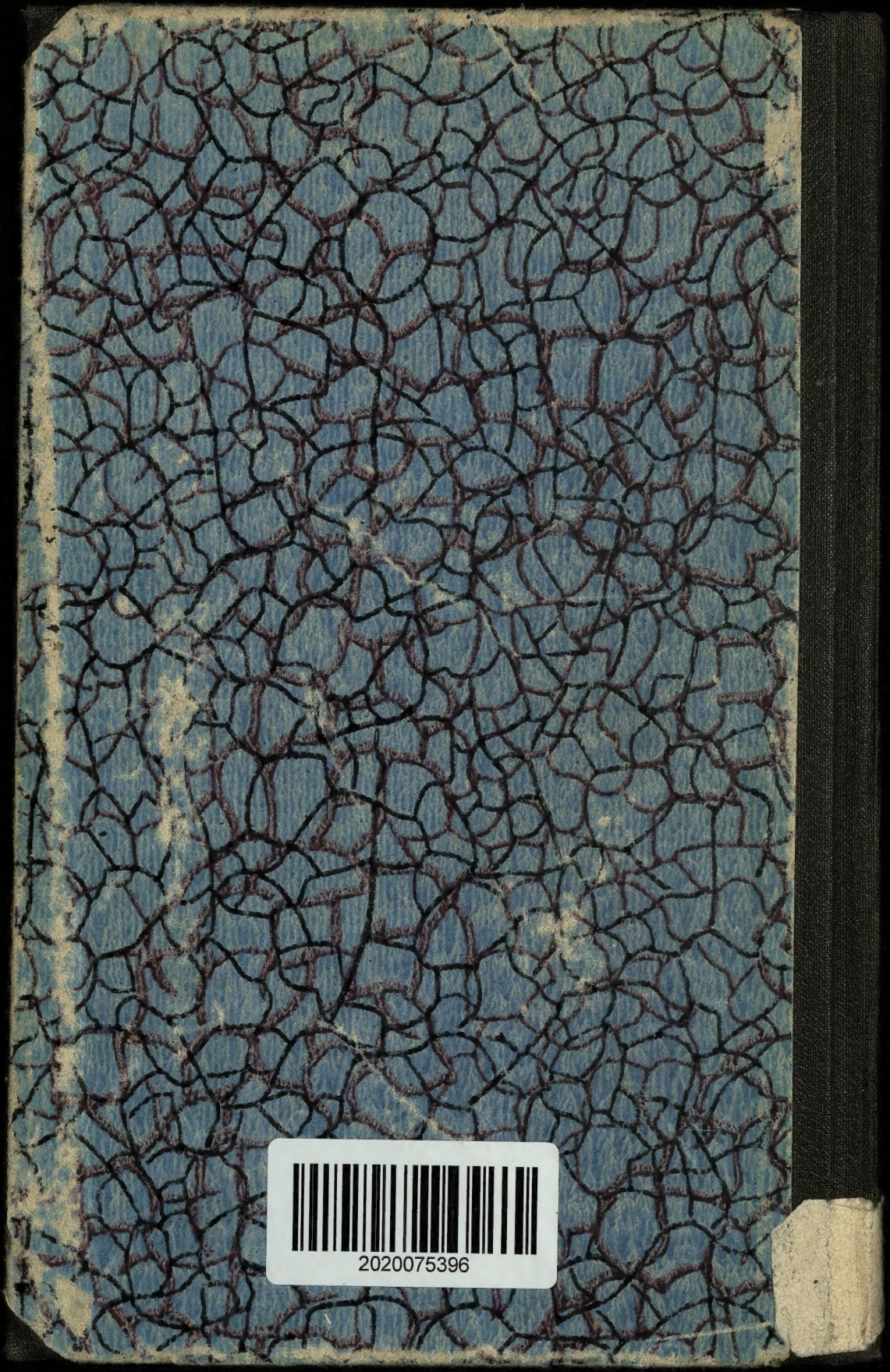
Но эта драгоцѣнная для насъ память, гг., не должна служить намъ предлогомъ для шумныхъ манифестацій. Мы не должны призывать ее въ свидѣтели своихъ страстныхъ увлеченій; но, какъ душевное сокровище, мы должны беречь ее для освященія того мирнаго и плодотворнаго труда, который составляетъ жизненное дѣло Университета. Въ этомъ состоитъ завѣщанное намъ преданіе, которое мы обязаны свято хранить, преданіе, которое, передаваясь непрерывною цѣпью отъ поколѣнія къ поколѣнію, дѣлаетъ изъ Университета учрежденіе незыблемое, краеугольный камень русскаго просвѣщенія и надежду русской земли.

(Изъ № 238 Моск. Вѣд. 1861 года).

Печатать позволяется. Москва. Ноября 1 дня, 1861 года.

Цензоръ И. Росковшенко.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.


2020075396